

Репортативная речь в удэгейском языке и шире

© 2020

Елена Всеволодовна Перехвальская

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия; elenap96@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению способов передачи репортативной речи в удэгейском языке. Показывается, что европоцентристские представления о «прямой» и «косвенной» речи как об основных типах передачи цитированной речи не подтверждаются данными рассматриваемого языка. Удэгейский язык использует иную систему, основанную на строгом разграничении уровней цитирования, а также на четком разграничении авторской и репортативной речи при помощи маркирования не только начала, но и конца репортативного отрывка.

Ключевые слова: индексальный сдвиг, косвенная речь, прямая речь, тунгусо-маньчжурские языки, удэгейский язык, чужая речь

Благодарности: Автор приносит глубокую благодарность Татьяне Никитиной, вдохновившей его на проведение данного исследования.

Для цитирования: Перехвальская Е. В. Репортативная речь в удэгейском языке и шире. *Вопросы языкознания*, 2020, 1: 84–103.

DOI: 10.31857/S0373658X0008300-9

Reportative speech in Udihe and beyond

Elena V. Perekhvalskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; elenap96@yandex.ru

Abstract: The article considers strategies of expressing reportative speech in Udihe. It is shown that the Euro-centric ideas about “direct” and “indirect” speech as main types of reportative speech are not supported by the facts of this language. Udihe uses a different system, based on a strict distinction between levels of the cited speech, as well as between author’s and reportative speech. This distinction is realized by marking not only the beginning, but also the end of the reportative passage.

Keywords: direct speech, indexical shift, indirect speech, reported speech, Tungusic, Udihe

Acknowledgements: The author is grateful to Tatyana Nikitina, who inspired her to conduct this study.

For citation: Perekhvalskaya E. V. Reportative speech in Udihe and beyond. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 1: 84–103.

DOI: 10.31857/S0373658X0008300-9

Введение

Исследования способов передачи репортативной (цитированной) речи на материале тунгусо-маньчжурских языков практически не проводились. В большинстве грамматик этих языков отсутствуют специальные разделы, посвященные тому, как передается

репортативная¹ речь. Такое невнимание к этим вопросам связано, по-видимому, с тем, что имплицитно предполагалось, что в этих языках отсутствуют сложные стратегии передачи репортативной речи. Данная статья задумана с целью показать ошибочность таких представлений.

В первой части статьи дается определение понятия «репортативная речь», показывается недостаточность традиционного выделения двух типов: прямой и косвенной речи. Предлагается классификация стратегий кодирования репортативной речи в языках мира на основе двух параметров: 1) наличие или отсутствие синтаксической связи между матричной клаузой и цитированием и 2) тип маркирования местоимений относительно реального или репортативного момента речи. Во второй части статьи рассматриваются стратегии кодирования репортативной речи, используемые удэгейским языком. Показывается, что в удэгейском языке существуют три стратегии, хотя их частотность различна. Демонстрируются приемы передачи сложной многоярусной репортативной речи, используемые в традиционном нарративе. Делается вывод о наличии у удэгейцев прошлом разработанной сказительской традиции.

1. Репортативная речь и ее передача в языках мира

1.1. Две коммуникативные ситуации

Репортативная речь связана с наличием двух коммуникативных ситуаций: реальной и репортативной (той, о которой рассказывается). Соответственно, имеются две пары локуторов: реальные говорящий и слушающий и репортативные говорящий и слушающий. До сих пор ни в русскоязычной, ни в англоязычной научной литературе не существует общепризнанных терминов, которые кодировали бы эти пары локуторов. Исследователи используют каждый свою терминологию: «реальный» и «текстовый говорящий» [Толдова, Сердобольская 2014], «внешние» и «внутренние локуторы» [Князев 2017], “reporter” и “speaker” [Coulmas 1986]; “primary speaker / addressee” и “reported speaker / addressee” [Evans 2013]; “current speaker” и “reported speaker” [Nikitina 2012a; Spronck, Nikitina 2019]; “current speaker” и “original speaker” [Aikhenvald 2007]; используются термины «авторская» и «чужая речь» [Волошинов 1928/1995]; список можно продолжить.

Я буду называть реальную коммуникативную ситуацию в *н е ш н е й*, а ту, о которой рассказывается, — *в н у т р е н н е й* коммуникативной ситуацией²; соответственно, будут различаться внешние говорящий и слушающий и внутренние говорящий и слушающий.

Важным параметром анализа репортативной речи является то, относительно какой коммуникативной ситуации кодируются в ней местоимения и другие шифтерные категории. Например, сказанное кем-то *Я не приду* может быть передано как прямое цитирование: *Он_i сказал: «Я_i не приду»*, как пересказ: *Он_i сказал, что (он_i) не придет* или **Он_i сказал, что я_i не приду*. Последняя стратегия в русском языке не используется, но весьма распространена в языках мира.

В соответствии с принятой в данной работе терминологией, кодирование местоимений и других шифтерных категорий относительно внутренней коммуникативной ситуации будет называться *в н у т р е н н е й* отсылкой, а кодирование относительно внешней коммуникативной ситуации — *в н е ш н е й* отсылкой.

¹ Я буду пользоваться термином «репортативная речь», т. к. этот термин шире понятия «косвенная речь»; термин же «чужая речь» также является неудачным, так как репортативной может быть и речь самого говорящего.

² Впервые эти термины в отечественную лингвистику ввел М. Князев.

1.2. «Прямая» и «косвенная» речь

Наличие нескольких пар локуторов в одном контексте создает угрозу референциального конфликта. Чтобы этого избежать, языки используют особые стратегии передачи репортативной речи. Традиционно в грамматиках выделялись две основные стратегии: «прямая» и «косвенная» речь ([Bally 1912; Есперсен 1958; Coulmas 1986; Волошинов 1928/1995] и мн. др.). Наличие этих стратегий представлялось своего рода если не универсалией, то фреквенталией. При этом предполагалось, что данные стратегии выделяются не только на формальном основании, но и «по смыслу». Приведу два характерных определения прямой и косвенной речи, где они определяются «от значения»:

«Прямую речь определяют обычно как точное воспроизведение речевого акта от лица текстового говорящего с сохранением всех экспрессивных и дейктических элементов» [Толдова, Сердобольская 2014: 111]. ЛЭС указывает, что прямая речь претендует «не только на передачу предметного содержания чужого высказывания, но и на буквальное воспроизведение его формы со всеми характерными грамматическими, лексическими, интонационными, стилистическими особенностями» [ЛЭС 1990: 404].

Косвенная же речь — это «пересказ чужой речи с точки зрения реального говорящего» [Толдова, Сердобольская 2014: 68].

Вместо определений «от значения» я буду использовать формальное определение «прямой» и «косвенной» речи: это стратегии передачи репортативной речи, различающиеся по двум параметрам: 1) тип отсылки шифтерных единиц (внешняя или внутренняя); 2) наличие / отсутствие синтаксического подчинения. Для того, чтобы отличать эти термины от тех же слов в обычном понимании, я буду называть их «репортативная прямая речь» и «репортативная косвенная речь».

Репортативная прямая речь, во-первых, характеризуется внутренней отсылкой шифтерных категорий и, во-вторых, представляет собой независимое высказывание, «“трансплантированное” в исходном (“прямом”) виде в главное предложение» [Князев 2017: 74].

Репортативная косвенная речь предполагает: 1) внешнюю отсылку шифтерных единиц; 2) передачу чужой речи с помощью синтаксического подчинения [Там же: 74].

Проиллюстрирую сказанное следующим примером. Имеются две пары локуторов. Первая пара (внутренние локуторы) — Иван (говорящий) и Мария (слушающий). Вторая пара (внешние локуторы) — Петр (говорящий) и Ольга (слушающий). Иван нечто сообщил Марии; Петр рассказывает Ольге о том, что именно Иван сказал Марии. Разговор Ивана и Марии — внутренняя коммуникативная ситуация, а разговор Петра и Ольги — внешняя.

1. Репортативная прямая речь: синтаксического подчинения нет, отсылка к внутренней ситуации (к разговору Ивана и Марии). Иван (внутренний говорящий) кодируется местоимением 1 лица «я», Мария (внутренний слушающий) кодируется формой 2 лица «ты»; Петр и Ольга кодируются местоимениями 3 лица.

(1) *Петр говорит Ольге:*

- a. «Иван сказал Марии: “Он (Петр) видел ее (Ольгину) матушку и не признал”».
- b. «Иван сказал Марии: “Я (Иван) видел ее (Ольгину) матушку и не признал”».
- c. «Иван сказал Марии: “Я (Иван) видел твою (Марии) матушку и не признал”».
- d. «Иван сказал Марии: “Он (Петр) видел твою (Марии) матушку и не признал”».

2. Репортативная косвенная речь: имеется синтаксическое подчинение, отсылка местоимений к внешней ситуации. Кодирование местоимений меняется: теперь они соотносятся с внешней коммуникативной ситуацией (с разговором Петра и Ольги): местоимение я относится к Петру, а ты — к Ольге; Иван и Мария кодируются местоимениями 3 лица.

(2) *Петр говорит Ольге:*

- а. «Иван сказал Марии, что я (Петр) видел твою (Ольгину) мамушку и не признал».
- б. «Иван сказал Марии, что он (Иван) видел твою (Ольгину) мамушку и не признал».
- с. «Иван сказал Марии, что он (Иван) видел ее (Марии) мамушку и не признал».
- д. «Иван сказал Марии, что я (Петр) видел ее (Марии) мамушку и не признал».

Репортативная прямая и репортативная косвенная речь — стратегии, характерные для многих европейских языков, где эти типы речи строятся сходным образом — посредством зависимых клауз, ср. перевод (2а) на некоторые из них:

Англ. *Peter says to Olga*: “*John told Mary that I saw your mother and did not recognize her.*”

Фр. *Pierre dit à Olga*: «*Jean a dit à Marie que j’avais vu votre mère et que je ne l’avais pas reconnue.*»

Итал. *Pietro dice a Olga*: «*Jean ha detto a Marie che ho visto tua madre e non l’ho riconosciuta.*»

Такое же последовательное кодирование косвенной речи по внешней коммуникативной ситуации находим и в эсперанто:

Эсперанто: *Petro diras al Olga*: «*Ioano diris al Marie, ke mi vidis vian patrinon kaj ne rekonis ŝin.*»

Этот искусственный язык был создан с сохранением многих особенностей европейских языков, которые на поверку не являются универсальными³.

Материал языков мира не укладывается в традиционную дихотомию «прямая vs. косвенная речь». «Типология цитируемой речи долгое время была беспорядочной и неудовлетворительной областью из-за огромного количества способов, которыми языки могут отклоняться от традиционных идеалов “прямой” и “косвенной” речи. Это породило множество терминов для неканонических типов — полупрямых, полукосвенных, квазипрямых и т. д., которые плохо соотносятся со многими промежуточными категориями. Возможно, еще более прискорбным является тот факт, что типологическое исследование цитируемой речи в целом было довольно неясным в отношении того, как должна выглядеть “истинная” косвенная речь» [Evans 2013: 67].

Делались попытки представить иные типы кодирования цитированной речи как некий континуум, где «прямая» и «косвенная» речь были бы крайними точками, между которыми располагались бы другие типы кодирования репортативной речи. Накопленный материал разных языков показывает, что стратегии передачи чужой речи не укладываются в такой “direct-indirect continuum” [Nikitina, Bugaeva (forthc.)]. Помимо «прямой» и «непрямой» речи существуют другие типы передачи репортативной речи, каждый из которых обладает особенностями, несводимыми к линейному количественному континууму.

1.3. Типы репортативной речи

К настоящему времени «европоцентризм» в исследовании типов кодирования репортативной речи в значительной степени преодолевается (подробнее см. [Nikitina, Bugaeva

³ Строго говоря, здесь речь идет только о кодировании участников коммуникативной ситуации. Если же рассматривать всю шифтерную триаду «я — здесь — сейчас», то придется ограничить распространение канонической косвенной речи (о канонической прямой и косвенной речи см. [Evans 2013]) лишь некоторыми европейскими языками. Так, в русском языке время и место

(forthc.); Spronck, Nikitina 2019]). Николас Эванс представил характеристику «канонических» прямой и косвенной речи [Evans 2013: 67]. Т. Гюльдеман, а вслед за ним Т. Никитина и А. Бугаева расширили рассмотрение типов репортативной речи, введя «логофорическую» стратегию в качестве третьего типа передачи репортативной речи, принципиально отличного от прямой и косвенной речи [Güldemann 2003; 2008; Nikitina 2012a; Nikitina, Bugaeva 2018; forthc.].

Имеет смысл ввести в рассмотрение еще две стратегии кодирования репортативной речи, которые давно известны и неоднократно обсуждались: **репортативную речь с индексикальным сдвигом** и **свободную косвенную речь** (франц. «style indirect libre»).

Тип референции и наличие синтаксического подчинения являются несвязанными параметрами, что позволяет построить следующую классификацию:

Таблица

Типы репортативной речи⁴

Наличие синтаксического подчинения	Тип отсылки		
	внутренняя	внешняя	смешанная
–	прямая речь	свободная косвенная речь	логофорическая речь
+	индексикальный сдвиг	косвенная речь	

Репортативная прямая речь характеризуется отсутствием синтаксического подчинения и внутренним типом отсылки. Пример: *Волк сказал: «Красная Шапочка, я тебя сейчас съем».*

Репортативная косвенная речь предполагает наличие синтаксического подчинения; для нее характерна внешняя отсылка (кодирование шифтерных единиц относительно реальной коммуникативной ситуации). Пример: *Волк сказал Красной Шапочке, что он ее сейчас съест*⁵.

Конструкции с индексикальным сдвигом связаны с наличием синтаксического подчинения и одновременно с внутренней отсылкой местоимений. Такие конструкции встречаются во многих языках мира [Shklovsky, Sudo 2014; Knyazev 2016; 2019]. Пример из языка муан (южные манде < семья нигер-конго):

(3) È Bōō Iròòkrá-lé dōō bí ò mè pē là glì-zí
 3SG козел спросить-CONJ что 2SG.EMPH COP кто вещь FOC смотреть-PROG
 gè èè?
 тут Q

‘Он спросил Козла, что он тут ищет’, букв. «Он спросил Козла, что “Что ты здесь ищешь?”».

Примером конструкций, близких к конструкциям с индексикальным сдвигом, в русском языке могут служить варианты конструкций с цитативом *мол* и синтаксическим подчинением [Плунгян 2008; Литвиненко и др. 2009; Падучева 2011; Толдова, Сердобольская 2014]. Пример: *Волк сказал Красной Шапочке, что я, мол, тебя сейчас съем.*

Свободная косвенная речь стала известна в первую очередь как литературный прием, который впервые был описан Ш. Балли как «style indirect libre» для французского языка [Vally 1912]. Пример: *Волк огляделся. Вот идет Красная Шапочка. Не съест ли ее сейчас?*

оформляются по внутренней коммуникативной ситуации, а местоимения по внешней: русск. *Он сказал, что придёт*, ср. англ. **He said that he will come* (об этом подробно: [Волошинов 1928/1995]).

⁴ Использованы классификации типов кодирования репортативной речи в [Князев 2017] и [Nikitina, Bugaeva 2018].

⁵ Русский язык демонстрирует внешнюю отсылку только для местоимений; остальные шифтерные единицы (время, место), имеют внутреннюю привязку, см. прим. 3.

В действительности, такая речь распространена значительно шире. К этому типу при­мыкают разговорные конструкции с отсутствием синтаксической связи и внешней отсылкой: *Он сказал, он понял, как к нам пройти*; англ. *He said he would never speak to me*. Возможно, такие примеры следует рассматривать как конструкции с эллипсисом показателя синтаксической связи.

Логофорическая речь (встречаются также названия “semi-direct” [Aikhenvald 2007], “bi-perspectival” [Evans 2013] и нек. др.) характеризуется наличием особых логофорических местоимений, которые соотносятся с внутренним говорящим; остальные участники внутренней коммуникативной ситуации (слушающий и не-локуторы) имеют внутреннюю отсылку (как в прямой речи) [Nikitina 2012a; Nikitina, Bugaeva 2018; forthc.].

Пример из языка уан [Nikitina, Bugaeva (forthc.)]:

- (4) *èi gé bāi lāāj sí é l̥...*
 3SG сказал LOG.SG 2SG.POSS пальма DEF съел
 ‘Он_i сказал: «Я(ЛОГ)_i съел эти пальмовые плоды...»’.

В примере (4) употреблено логофорическое местоимение *bā*, которое кореферентно внутреннему говорящему; при замене его на личное местоимение 3 лица *è* смысл меняется: съевшим пальмовые плоды становится не локутор, а кто-то другой.

Логофорическая стратегия, как и стратегия с индексикальным сдвигом, не укладывается в представление о репортативных стратегиях как о некотором континууме, на полюсах которого находятся «канонические» прямая и косвенная речь. Предлагаемый для логофорической стратегии термин «полупрямая» речь (см. выше) является неудачным, поскольку создает ложное представление о том, что эта стратегия является переходной от прямой к косвенной, в то время как она связана с наличием особых местоимений, которые отсутствуют в европейских языках (о критике представления репортативных стратегий как континуума см. [Nikitina, Bugaeva 2018; forthc.]).

2. Стратегии оформления репортативной речи в удэгейском языке

2.1. Материалы исследования

Выше было показано, что существует большее число стратегий передачи репортативной речи, нежели только прямая и косвенная. Представленная выше классификация сделана по двум параметрам и отражает только самые общие характеристики таких стратегий. Ниже будет рассмотрено то, как передается репортативная речь в удэгейском языке.

Репортативная речь на материале удэгейского языка специально не изучалась, однако в грамматике И. Николаевой и М. Тольской можно найти примеры, иллюстрирующие способы передачи репортативной речи во вложенной клаузе [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 449].

Данная статья основана на исследовании корпуса текстов. Корпус удэгейских аннотированных текстов включает 41 910 слов. Основная часть корпуса — традиционные нарративы: сказки, предания, бытовые истории, описания традиционных практик, в том числе шаманских; около 5 % составляют учебные тексты и песни. Большинство текстов были записаны в период с 30-х по 80-е гг. XX в. (см. список источников), когда удэгейский язык был живым средством коммуникации нескольких языковых сообществ. Корпус содержит большое количество примеров передачи чужой речи.

В исследованных текстах, а также в научной литературе, найдены три из рассмотренных выше типов кодирования репортативной речи: репортативная прямая речь, репортативная

косвенная речь и конструкции с индексальным сдвигом. Частотность употребления этих стратегий чрезвычайно различна. В подавляющем числе случаев используется стратегия репортативной прямой речи. В текстах встретилось около 800 примеров цитированной речи, из них только два используют стратегию индексикального сдвига; репортативная косвенная речь отмечена в 11 случаях, при этом передается не речь, а мысли, намерения или другие формы ментальной деятельности.

2.2. Прямая репортативная речь в удэгейском языке

Данная стратегия передачи репортативной речи предполагает внутреннюю отсылку местоимений и других шифтерных единиц, а также отсутствие синтаксической связи между матричной клаузой и репортативной речью. Такая речь формально является независимым предложением и может содержать императивы, междометия и обращения.

Матричное предложение содержит глагол говорения и не является семантически полноценным. В подавляющем большинстве случаев репортативная речь вводится глаголом *gunə-* ‘сказать’, используются также глаголы *təluŋusi-* ‘рассказать / рассказывать’, *digana-* ‘говорить’, *xauntasi-* ‘спросить’.

В удэгейском языке матричное предложение, за редким исключением, всегда содержит по крайней мере один глагол говорения:

- (5) *Zuk-tigi-fəi* *ŋəni-hə-ti,* *‘ain-tigi-fəi* *təluŋusi-hə-ti:*
 дом-DIR-SS.PL возвращаться-PST-3PL старший.брат-DIR-SS.PL рассказывать-PST-3PL
 “*Bu mafa xoktownoni b’a-ga-u*”.
 IPL.EXCL медведь след-ACC-3SG найти-PRF-1PL.EXCL

‘Домой пошли, **рассказали** старшему брату: «Мы следы медведя нашли»’ [Баскакова (рук.)].

Важной особенностью репортативной прямой речи в удэгейском языке является стратегия маркирования не только ее начала, но и окончания. Во многих случаях глаголы говорения (а также и другие глаголы мыслительной деятельности: мысли, намерения) образуют рамочную конструкцию, ср.:

- (6) *Əni-ni digan-ki-ni sitə-tigi-i* [*gəgbəŋku bu-jə,*] *gun-ki-ni.*
 мать-3SG говорить-PST-3SG ребенок-DIR-SS ягоды давать-IMP сказать-PST-3SG

‘Мать **сказала** дочери: «Ягоды давай», **говорит**’ [Баскакова (рук.)].

- (7) *Tu məisi-hə-ni uti ahanta* [*sugala-zi susa-za-mi*] *məisi-hə-ni.*
 так думать-PST-3SG этот женщина лыжи-INS убежать-OPT-1SG думать-PST-3SG

‘Эта женщина так **подумала**: «Убегу-ка я на лыжах», — **подумала** она’ [Шнейдер 1937].

Рамочные конструкции, а также маркирование конца прямой речи характерны, возможно, именно для нарративов⁶, при этом рамочные конструкции особенно частотны в случаях, когда одна репортативная речь вложена в другую (см. ниже).

Маркирование конца цитированной речи, оформленной как репортативная прямая (с внутренней отсылкой и отсутствием синтаксического подчинения), характерно и для других языков⁷, в том числе для языков с богатой письменной традицией. В санскрите «вместо косвенной речи почти всегда применяется прямая речь. В конце прямой речи, как правило, ставится *iti* (“так”）」 [Зализняк 1987: 883]:

⁶ Возможно, это связано с тем, что удэгейский последовательно использует левое ветвление.

⁷ В нанайском языке встречаются рамочные конструкции с повтором глагола говорения, хотя они и не очень частотны [Stoynova 2019].

- (8) *gam-ya-tām iti a-bra-vī-t*
 ИДТИ-MED-IMP.DUAL так AUG-сказать-IPF-3SG
 ‘Он сказал: идите’ [Там же: 883].

В классическом тибетском используется рамочная конструкция, вводящая прямую речь:

- (9) *des smras pa ni ... ces*
 ЭТИМ сказать.PST NMLZ FOC ... так
 ‘Что касается сказанного им, (он сказал) ... так’ [Хан 2002].

Таким образом, удэгейский язык использует стратегию, которая сложилась и в письменных языках прилегающего региона.

2.3. Многоярусная репортативность

Интересны примеры, где речь персонажей сама содержит цитирование, ср. пример трех уровней репортативной речи:

- (10) [*Aziga taluḡusāni:*
Uti cind'a digan-ka b'ata-tigi si xuñazi-la bagdi-ha bi-mi
 этот птица говорить-PRF мальчик-DIR 2SG сестра-LOC родиться-PP быть-GER
bi-hi ... digan-ka.
 быть-2SG говорить-PRF
 ‘[Девочка **рассказала:**] «Отец, сегодня мальчик выстрелил в одну синичку. И эта птичка **сказала** мальчику: “Ты у сестры родился”, **сказала**» [Баскакова (рук.)].

Данные конструкции свойственны только традиционному нарративу. В рассказах о реальных событиях таких примеров не встретилось. Следовательно, можно считать такого рода конструкции принадлежащими особому повествовательному стилю.

Двух- и более ярусная репортативная речь часто содержит приказание или просьбу, которые передаются через третье лицо («скажи ему, чтобы он...»):

- (11) [*Uz'a 'ainiā, ḡānāiā, ḡānāiā,*] — *guḡkini₁* — [*Ṣuktii ḡānāiā,*] — *guḡkini₁* — [*zugdila ḡānāi,*
diganatahiṣā: {*tuxiwa xəbuḡā, guḡkə₃,*} *guntāhiṣā₂,*] — *guḡkini₁*.
 ‘Старший брат Узды, пойдика — **сказала₁** [старушка], — сходи ко мне домой да, придя, **скажи₂**: «“Привезите нарты”, **сказала₃**», — **сказала₁** она’ [Кормушин 1998].

В (11) три уровня репортативности распределены следующим образом:

- 1) рассказчик передает слова старушки: употреблен глагол *gun-* ‘сказать’ в претерите, образует рамочную конструкцию;
- 2) приказание герою «скажи», выраженное глаголами *digan-* ‘говорить’ и *gun-* ‘сказать’, оба стоят в форме дезидератива и образуют рамочную конструкцию;
- 3) сообщение, которое должен передать герой, содержит цитату «“Привезите нарты”, сказала». Эта цитата оформлена глаголом *gun-* в форме перфекта, который ее замыкает.

Каждый из репортативных уровней вводится глаголом *gunə-* ‘сказать’, однако для каждого уровня используется особая видо-временная форма.

Важно заметить, что в таких многоуровневых конструкциях каждый уровень строится в соответствии с внутренней отсылкой:

- (12) *G'ai ḡāni-jə aṣiga-ṣiga-tigi, [mafa-na-hu-də b'a-ami,]*
 ворона вернуться-IMP девушка-PL-DIR муж-DEST-2PL-FOC найти-PST-1SG

gun-təhiʒə.

сказать-DESDR

‘(Герой сказал:) Ворон, возвращайся к девушкам, **скажешь**: «Нашел я вам мужа»’ [Кормушин 1998].

В (12) местоимение ‘я’ относится к ворону (который будет произносить эти слова), а не к герою, который посылает ворона к девушкам.

Такая многоуровневая репортативность может вводиться и глаголами мыслительной деятельности:

- (13) [Bi wuiŋki-wə-i gazu-gi-ja,] **guŋ-ʒə-mi** **maisi-hə-ni.**
1SG лямка-ACC-1SG нести-REF-IMP сказать-PRSP-1SG думать-PST-3SG

‘**Я скажу ей**: “Принеси мне мою перевязанную лясками добычу”», **думал он**’ [Баскакова (рук.)].

Цитирование внутри репортативной речи может являться напоминанием о сказанных словах:

- (14) Od’o, si **digana-i** **bisə-hi** namu-tigi wəndə-ŋi-ʒə **gunə-i**
дед 2SG говорить-PRP быть.PST-2SG море-DIR бросить-REF-IMP сказать-PRP

bisə-hi!

быть.PST-2SG

‘(Парень сказал:) «Дед, ты же сам **говорил**: “В реку выброшь”, **сказал!**»’ [Баскакова (рук.)].

В (14) на одном уровне репортативности используются разные глаголы (*digana-* ‘говорить’ и *gun-* ‘сказать’), которые, однако, стоят в одной и той же (очень редкой!) форме, представляющей собой сочетание презентного причастия с претеритом глагола ‘быть’ (прогрессив в прошлом).

На основе анализа имеющихся случаев многоярусной репортативности выводятся следующие правила.

Правило 1. На каждом уровне репортативности глаголы речи стоят в одной и той же видо-временной форме, см. примеры (11), (13).

Правило 2. Глагол речи повторяется, образуя рамочную конструкцию вокруг репортативного высказывания:

- (15) Jagdig’a **xauntasi-hə-ni:** [Aja, si əmus’ə bi-hi-ʒəu?] **xauntasi-hə-ni.**
молодец спрашивать-PST-3SG ну 2SG один быть-2SG-Q спрашивать-PST-3SG

‘Парень **спросил**: «Так ты одна живешь?» — **спросил он**’ [Баскакова (рук.)].

Правило 3. Существует иерархия видо-временных форм.

Репортативная речь «первого уровня» вводится глаголом в претерите. Если она содержит цитирование, оно, скорее всего, будет вводиться глаголом речи в перфекте.

- (16) [Baja mafa sinə-wə bi mafa-i {cind’a silə-wə-ni umi-nə-ʒə,}
богатый старик 2SG-ACC 1SG старик-1SG птица отвар-ACC-3SG пить-GO-IMP

guŋ-kə]**guŋ-ki-ni.**

сказать-PRF сказать-PST-3SG

‘«Богатый старик, мой муж, “Приходи поесть похлебки из птиц”, **сказал** (перфект)» — **сказала** (претерит) она’ [Šņiəjdəg 1935].

В примере (16) репортативная речь первого уровня (слова персонажа) вводится глаголом *guŋ-* в претерите. Следующий уровень (репортативная речь в устах персонажа) оформлен тем же глаголом в перфекте.

В качестве «репортативного императива» (передается просьба, приказ и т. п.) используется дезидератив (форма на *-təhiʒə*), см. примеры (11) и (12).

Очевидно, что столь сложные конструкции, построенные по определенным правилам, являются частью стилистических средств особого сказительского стиля. Они нарушают представление о том, что в удэгейском языке не сформировались сложные стратегии передачи репортивной речи.

2.4. Репортивная косвенная речь в удэгейском языке

Репортивная косвенная речь предполагает наличие синтаксической связи между матричной клаузой и репортивной клаузой, а также внешнюю отсылку местоимений в репортивной клаузе.

В языках мира синтаксическая связь в косвенной речи может быть представлена

- объектной финитной клаузой, вводимой союзом;
- инфинитивным оборотом или номинализацией.

Первый тип обычно представляется как каноническая «косвенная речь», что отражает европоцентристский подход к языковым явлениям. Предполагается, что в каждом «развитом» языке есть стратегия «косвенной речи» типа *Он сказал, что пойдет в кино; Il a dit qu'il va au cinéma*. Однако такое построение «косвенной речи» практически не встречается за пределами Европы и, возможно, является ареальным явлением⁸, одной из черт языков, которые Б. Уорф объединил термином SAE⁹.

Косвенная речь, выраженная оборотом с нефинитной формой, известна во многих языках с древней письменной традицией:

(17) ЛАТЫНЬ

Dic-o Ciceron-em ede-re ole-as
говорить-1SG Цицерон-ACC.SG есть-INF оливка-ACC.PL

‘Я говорю, что Цицерон ест оливки’ [Coulmas 1986: 19].

(18) САНСКРИТ (пример с нулевой связкой)

Nalam mān vidd-hi
Наль.ACC 1SG.ACC знать.IMP-2SG

‘Знай, что я Наль’ [Зализняк 1987: 883].

Стратегия с использованием в зависимой клаузе номинализованной формы глагола широко распространена во многих во многих алтайских и уральских языках, принадлежащих к разным языковым группам.

Алтайские языки:

Башкирский (тюркский) [Князев 2017: 80]

(19) a. *Rifat [aɣaj-ət unə qunaq-qa saqər-əw-ə-n] äjt-te.*
Рифат брат-Р.1SG тот.ACC гость-ДАТ приглашать-NMLZ-Р.3-ACC сказать-РСТ

‘Рифат₁ сказал, что мой/его* старший брат пригласил его в гости’ (букв. «сказал о приглашении его в гости»).

b. *Rifat qatən-ə-na [Ivan-dəj qunaq-qa saqər-əw-ə /*
Рифат жена-Р.3-ДАТ Иван-GEN гость-ДАТ приглашать-NMLZ-Р.3

⁸ Глаголы речи в европейских языках являются в большинстве своем переходными: *говорить правду, сказать глупость, to tell the truth, dire la vérité, raconter les contes* и т. д. Можно высказать предположение, что союзы, используемые в таких придаточных, восходят к местоимениям в аккузативе: *я сказал что, he said that, il a dit que*.

⁹ SAE — Standard Average European — термин, введенный Б. Уорфом в 1939 г. [Уорф 1960].

saqər-yan-ə]   *tura-hə-nda äjt-te.*
 приглашать-PC.PST-P.3   o-P.3-LOC   сказать-PST
 ‘Рифат сказал жене о том, что Иван пригласил (его) в гости’.

Как показывает пример (19а), в башкирском языке глагол *äjt-* ‘сказать’ требует прямого дополнения и, соответственно, нефинитная форма (номинализация), выражающая репортативную речь, стоит в аккумулятиве. Агнс является формально зависимым генитивной конструкции; прямое дополнение при глаголе ‘приглашать’ стоит в аккумулятиве, как и сама номинализация (налицо референциальный конфликт).

Конструкция (19b) отличается тем, что нефинитная клауза, передающая репортативную речь, оформлена послелогом *turahənda* ‘о’, зависимая предикация выражена либо падежно неоформленной номинализацией *saqərwə*, либо причастием *saqəryanə*; обе формы выступают с показателем 3 лица.

Следует заметить, что, по свидетельству М. Князева, эти конструкции «редко используются для передачи чужой речи (предпочтение отдается конструкции с *tip*) и никогда не содержат внутреннюю отсылку» [Князев 2017: 80].

Турецкий язык. Указанный способ передачи репортативной косвенной речи является одним из распространенных в таком «развитом» языке как турецкий. В зависимой клаузе используются нефинитные формы с суффиксами *-dik* (небудущее) или *-acak* (будущее), оформленные личными показателями и показателем падежа.

(20) *Sizin-le beraber gid-eceğ-i-ni söyledi.*
 вы-с   вместе   идти-FUT-I-3SG   сказал
 ‘Он сказал, что пойдет вместе с вами’ [Кононов 1941: 264].

Субъект репортативного действия кодируется родительным падежом, ср. примеры из учебника [Турецкий язык].

(21) а. *Ann-em bana: ‘Kardeş-in bugün eve dön-ecek.’ dedi.*
 мама-1SG   мне   брат-2SG   сегодня   домой   придти-PRFUT   сказала
 ‘Мама сказала мне: «Сегодня твой брат вернется домой»’.

б. *Ann-em bana kardeş-im-in bugün eve dön-eceğ-i-ni söyledi.*
 мама-1SG   мне   брат-1SG-GEN   сегодня   домой   приходит-PRFUT-I-3SG   сказала
 ‘Мама сказала мне, что мой брат сегодня придет домой’.

В (21а) представлена прямая речь: цитата синтаксически не связана с матричным предложением и имеет внутреннюю отсылку. В (21б) репортативная речь передается причастным оборотом: предикат выражен нефинитной формой, а агнс при нем стоит в генитиве: «сказала о приходе моего брата домой».

Те же конструкции находим в **монгольских** языках — ср. о бурятском: «В основе системы сложного предложения лежит использование инфинитных глагольных форм в роли зависимого сказуемого <...> особенность бурятского языка состоит в использовании родительного падежа как подлежащего зависимого предложения» [Скрибник, Даржаева 2016: 151].

Уральские языки:

Ненецкий [Куприянова и др. 1977: 273, 276]¹⁰
 (22) *Вася Москва-хад то-ва-мда хэта.*
 Вася   Москва-AVL.SG   придти-NV-POSS.3SG.ACC   рассказать.1/3SG
 ‘Вася сказал, что приехал из Москвы (букв.: «его прихождение рассказал»)’.

¹⁰ Глоссирование сделано М. В. Люблинской.

В (22) зависимая предикация выражена номинализованной формой, а ее агенс — пессивным показателем 3SG¹¹.

Попутно отмечу, что «личные местоимения, а также личные формы глаголов при замене прямой речи косвенной употребляются с точки зрения передающего речь, ср. конструкцию с прямой речью» [Там же: 276], то есть имеют внешнюю отсылку. По этому параметру данные нефинитные конструкции также сходны с «косвенной речью» языков SAE.

(23) а. «*Җамгэ-м' нэр-җа-н?*» — *Миша Петя-н' юнра.*

что-ACC.SG   делать-CLT-2SG   Миша   Петя-DAT.SG   спросить.1/3SG

‘«Что ты делаешь?» — Миша спросил Петю’.

б. *Миша Петя-н' җамгэ-м' нэр-ма-мда юнра.*

Миша   Петя-DAT.SG   что-ACC.SG   делать-NV-POSS.3SG.ACC   спросить.1/3SG

‘Миша спросил Петю, что он делает’.

Удмуртский [ГСУЯ 1974: 139]

(24) а. *Корка җоггес пыры-ны косы-са, мон шоры черектиз*
дом   скорее   заходить-INF   требовать-CV   1SG   на   крикнуть-PST-3SG
кузё кышно.
хозяин   жена

‘В избу скорее **зайти приказывая**, мне крикнула хозяйка’ (деепричастный оборот).

б. *Корка җоггес мед пыр-о шуыса, мон шоры черект-к-из*
дом   скорее   чтобы   войти-1SG   чтобы   1SG   на   крикнуть-PST-3SG
кузё кышно.
хозяин   жена

‘Хозяйка крикнула мне, **чтобы я скорее вошел** в избу’ (придаточное предложение).

В (24b) зависимая предикация, выраженная финитной формой, оформлена рамочной конструкцией *мед ... шуыса*, выполняющей роль союзного слова «чтобы». Как видим, здесь также отсутствует возможность процитировать чужое сообщение более подробно.

Сходной является ситуация в удэгейском и других тунгусских языках: косвенная репортативная речь и, шире, объектные придаточные выражаются нефинитными глагольными формами с личными показателями. Например, предложение «мальчик боится, что его отец уйдет» передается по-удэгейски следующим образом:

(25) *B'ata ami-mi җәпә-зәҗә-зи-ни җәлә-и-ни.*
мальчик   отец-SS   уйти-PRFUT-INSTR-3SG   бояться-PRP-3SG

‘Мальчик боится, что его отец уйдет’.

Здесь зависимая предикация передается нефинитной формой *җәпә-зәҗә-зи-ни*, содержащей показатель инструментального (творительного) падежа *-зи*, которого требует глагол *җәлә-* ‘бояться’, ср. (26).

(26) *B'ata inәi-zi җәлә-и-ни.*
мальчик   собака-INSTR   бояться-PRP-3SG

‘Мальчик боится собаки’.

Таким образом, зависимая предикация в (25) формально оказывается инструментальным дополнением, при этом агенс этой предикации (отец) является как бы обладателем

¹¹ В ненецком некоторые глаголы речи требуют зависимого финитного предложения [Nikolaeva 2014: 284–285].

в посессивной синтагме («ухождение отца»). Следовательно, репортативная косвенная речь должна выражаться номинализированным глаголом, зависимым от глагола речи.

В подавляющем большинстве случаев матричным глаголом в таких конструкциях является глагол *gunə*- ‘сказать’, используются также *təlujuŋsi*- ‘рассказать / рассказывать’, *digana*- ‘говорить’, *xauntasi*- ‘спросить’.

Глаголы говорения являются трехместными. Распределение актантов таково: говорящий — подлежащее (в номинативе), сообщаемая информация — прямое дополнение (в акузативе), адресат — косвенное дополнение (в директиве).

- (27) *'Ain-tigi-hi mine-wə əzi təlujuŋsi.*
 брат-DIR-2SG 1SG-ACC VNEG.IMP рассказывать

‘Своему брату **обо мне** не рассказывай!’ [Баскакова (рук.).]

Таким образом, репортативная косвенная речь в удэгейском языке выражается зависимой клаузой с глагольной номинализацией, которая оформлена показателем винительного падежа и синтаксически является прямым дополнением. Ср. следующий пример из грамматики Николаевой и Тольской:

- (28) *Bu təlujuŋsi-ə-mu wakcaini-tigi nuati zugdi-wə woo-mo-ti.*
 1PL.EXCL рассказать-PST-1PL.EXCL охотник-DIR 3PL дом-ACC делать.PP-ACC-3PL

‘Мы рассказали охотнику, что они построили дом’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 449].

Как видно из примера (28), агенс формально становится зависимым в генитивной конструкции; при этом глагольное управление сохраняется: прямое дополнение маркировано акузативом, как и сама номинализованная глагольная форма, выражающая зависимую предикацию. В зависимой клаузе и предикат, и прямое дополнение маркированы одним и тем же падежом — что может привести к референциальному конфликту.

Данный пример (28) получен методом элицитации. В нарративах такие конструкции встречаются с глаголом *təlujuŋsi*- ‘рассказывать’, а также с глаголами мыслительной деятельности: *məisi*- ‘думать’, *cəzə*- ‘верить’, *saa*- ‘знать’ и др.

- (29) *Omo bua-du adi zugdi bi-hi-wə-ni kiəu kiəu təlujuŋsi-hə-ni.*
 один местность-DAT сколько дом быть-PRP-ACC-3SG всё всё рассказать-PST-3SG

‘О том, сколько домов в этой местности, все-все рассказал.’ [Баскакова (рук.).]

- (30) *Mam'asa-i digana-i-wə-ni ə-si-ni cəzə.*
 жена-SS.SG говорить-PRP-ACC-3SG VNEG-PST-3SG верить

‘Он не поверил тому, что говорила жена’ [Баскакова (рук.).]

Очевидно, что возможность передачи развернутого сообщения при помощи данной конструкции весьма ограничена. Вряд ли зависимая предикация, выраженная номинализованной формой в составе сложного предложения, может иметь более одного актанта или включать развернутые временные или локативные обстоятельства¹². Здесь работают общие закономерности: номинализированный глагол утрачивает определенные характеристики нефинитных форм (см. [Кортъевская-Тамм 1993]).

¹² В языках, где существуют иные способы передачи косвенной речи, также имеются ограничения на ее сложность и длину. См. у А. М. Пешковского: «Стоит только попробовать передать мало-мальски распространенную прямую речь косвенно (“Осёл, уставясь в землю лбом, говорит, что изрядно, что сказать не ложно, его без скуки слушать можно, но жаль, что он не знаком с их петухом, что он еще бы больше навострился, когда бы у него немного поучился”), чтобы убедиться, что косвенная передача речи русскому языку не свойственна» [Пешковский 1914: 466]. В. Н. Волошинов добавляет: «Если бы Пешковский произвел тот же эксперимент непосредственного переложения прямой речи в косвенную во французском языке, соблюдая лишь грамматические правила, он должен был бы прийти к тем же результатам» [Волошинов 1995(1928): 343].

Вследствие вышесказанного в языках, передающих косвенную речь инфинитивными оборотами или номинализациями, более развернутые высказывания оформляются через стратегию прямой речи.

2.5. Конструкции с индексикальным сдвигом

В текстах, записанных в середине 1930-х гг. на Анюе [Шнейдер 1937], есть примеры передачи репортативной речи конструкциями с индексикальным сдвигом.

- (31) *Xaisi uti xaŋa-ni sama-tigi tɔlujusii-ni* [bɔjə-i jəɫə-də unisii-ni],
 также этот душа-3SG шаман-DIR рассказывать-3SG тело-SS.SG где-INDEF болеть-3SG
təhu-mə-ni tɔlujusii-ni [ono-do buk-ki-mi] *tɔlujusii-ni*.
 все-ACC-3SG рассказывать-3SG как-INDEF умирать-PST-1SG рассказывать-3SG
 ‘Его душа **рассказывает** шаману, где болит мое («свое») тело, все **рассказывает**, как именно я погиб(ла), **рассказывает**’¹³ [Шнейдер 1937].

Здесь используется обычная для нарративов стратегия рамочного оформления репортативной речи, однако сама речь вводится формами *jəɫə-də* ‘где(-то)’ и *ono-do* ‘как(-то)’, которые играют роль союзных слов. Традиционно такие слова (вопросительные слова с клиткой =*dA*) характеризуются как неопределенные местоимения или наречия (см., например, [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 455]), способные выполнять союзную функцию.

Налицо синтаксическое подчинение в сочетании с внутренней отсылкой местоимений: душа рассказывает, «как я погиб(ла)», при этом «я» относится к душе (или «хозяину» души), но не к повествователю.

Второй пример из того же текста:

- (32) *Xaŋa diganai-ni giəni*, [zugdi-du jə-wə-də nantai osi],
 душа говорить-3SG DISC ДОМ-DAT ЧТО-ACC-INDEF жалко становиться.PST
nantai gəɫə-gii-ni.
 жалко просить-REF-3SG
 ‘Душа, например, **говорит**, жалко стало что-то в доме, (значит) жалеемое **просит**’ [Шнейдер 1937].

Относительно этого примера труднее говорить о конкретной стратегии, поскольку речь умершей души передается безличным оборотом: с одинаковой степенью вероятности можно считать, что здесь использована либо прямая речь (как наиболее частотная), либо конструкция с индексикальным сдвигом (как в предыдущем предложении).

К сожалению, других примеров этого типа пока нет. Можно считать, что перед нами примеры редкой стратегии кодирования репортативной речи. Данный текст отличается от других тем, что это не нарратив, не сказка и не рассказ о каком-то событии, а описание шаманской картины мира. Данные тексты записывались в начале 1930-х гг., рассказчик, судя по всему, являлся хранителем традиционной культуры, и, возможно, владел особыми

¹³ Е. Р. Шнейдер предлагает иной перевод данного предложения: «Его душа также рассказывает шаману про свое тело, если где-либо болит, все рассказывает, и как умер (досл.: про свое совершившееся умирание), рассказывает» [Шнейдер 1937: 39]. Он интерпретирует формы *beje-i* и *buk-ki-mi* как аккумулятивы возвратно-притяжательного склонения; форма *buk-ki-mi* интерпретируется как номинализация, где *-ki-* показатель претерита, а *-mi* возвратно-притяжательный показатель «свой» (но не «мой»), иначе не объяснить отсутствие суффикса аккумулятива, что возможно только в возвратно-притяжательной форме), по-видимому, кореферентный посессору в главном предложении (указывает на «хозяина» души). При такой интерпретации форма *ono-do* ‘как, как именно’, вводящая клаузу, оказывается труднообъяснимой. Кроме того, в последовательности *tɔlujusii-ni beje-i* ‘рассказывает о своем теле’ нарушается порядок SOV.

риторическими приемами. Поэтому имеет смысл говорить не о складывающейся стратегии передачи репортативной речи, а об утрате этих способов у рассказчиков более молодого поколения.

2.6. Конструкции с цитативом

В рамках данной статьи уместно упомянуть о конструкциях с частицами *gumu* и *gunə*, которые в современном удэгейском не служат средством передачи репортативной речи, но типологически являются вариантом «неканонического употребления» глагола ‘говорить’ [Matić, Pakendorf 2013; Сердобольская, Толдова 2014].

Конструкции с цитативом считаются вариантом эвиденциальных конструкций [Aikhenvald 2004; Плунгян 2011: 350]. Однако цитатив не только указывает на источник информации, но и оформляет высказывание как репортативную речь.

Цитативы часто этимологически связаны с глаголами речи (см. [Lehmann 2002] и др.). Во многих случаях это застывшая неизменяемая форма: такими цитативами являются русские *де*, *дескать* и *мол*¹⁴, но вытесняющее их *грю*, *грит* еще сохраняет глагольную парадигму.

Конструкции с индексикальным сдвигом и конструкции с цитативом могут различаться интонационно, ср. пример из бурятского языка:

- (33) *Би үглөө ерэхэб гэжэ хэлэбэ.*
я завтра приду мол сказал

‘Он сказал: «Я приду завтра» / Он сказал, что придет завтра’ [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 297].

«Как предложение с прямой речью оно должно иметь следующий интонационный рисунок: постепенное повышение голоса вплоть до последнего слова прямой речи, небольшая пауза перед словом *гэжэ* и затем — понижение голоса (...). В свободной же косвенной речи повышение голоса своей кульминационной точки достигает на союзе *гэжэ*, соответственно, пауза бывает после союза» [Там же: 297].

В удэгейском языке имеются частицы *gumu* (*gum*) и *gunə* (*gun*). Этимологически они восходят к глаголу *gunə*- ‘сказать’ и, скорее всего, первоначально маркировали репортативную речь (‘мол’, ‘говорит’). В корпусе имеется текст, содержащий два однотипных употребления *gunə*, возможно, приближающихся к цитативному. Интересно, что этот пример из того же текста, посвященного шаманской практике, в котором найдены случаи употребления конструкций с индексикальным сдвигом¹⁵. Приведу эти примеры:

- (34) *Sū inəŋi ʔi-ʂi ʔi-xi-ŋi, “inəŋi ʔi-sə”, gunə.*
солнце днем быть-PP быть-PC.DS-3SG днем быть-PRF сказать

‘Если это было при свете солнца, «днем было», говорят’ [Шнейдер 1937].

- (35) *ʂikəgi-li-ʔə-ŋi ʔi-ʂi ʔi-xi-ŋi, “ʂikəgi-li-ʔə-ŋi ʔi-sə” gunə.*
вечереть-INC-PP-3SG быть-PP быть-PC.DS-3SG вечереть-INC-PP-3SG быть-PRF сказать

‘Если это было после наступления вечера, «начинало вечереть», говорят’ [Шнейдер 1937].

В (34) и (35) *gunə* употреблено самостоятельно, без дополнительного глагола говорения. Это безличная форма, которая передает соответствующее значение.

¹⁴ *Де* восходит к глаголу *деять* в значении ‘говорить’, *дескать* является сращением *де* и глагола *сказать*, *мол* — усеченная форма глагола *молвить*.

¹⁵ Этот текст был записан Е. Р. Шнейдером в 1933 г. в стойбище Кэкэсэ на р. Анной у Нядиги Суляндзига, 39 лет, неграмотного, шамана.

В других текстах *gunə* имеет иное значение и как цитатив не употребляется, ср. следующие примеры:

(36) [*Dənəixini ətəñiani saça culi isəsiyani:*]

zu bəliə ɲənə'ə, gunə, tuxiwə xəbu-sə, gunə.
два девушка идти.PRF ADM нарта-ACC везти-PRF ADM

‘[Когда они ушли, он взглянул прямо в дырочку:] две красавицы идут, тащат нарты, вот как!’ [Кормушин 1998]

(37) *Sii-nda-ha-ni, gäälə biə, gunə.*

заглядывать-SING-PST-3SG голубой быть.PRP ADM

‘Посмотрел, там яркий голубой свет, вот как!’ [Баскакова (рук.)]

В «Грамматике удэгейского языка» значение частицы *gunə* описывается как передача визуального восприятия [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 461]. Действительно, таких употреблений много. Однако В. Гусев, рассмотревший сходные конструкции в ульчском и нескольких родственных ему языках, в том числе в удэгейском, предполагает, что «главное здесь не в способе восприятия как таковом»; по его мнению, основным значением является выражение ««нового знания»» (как кажется, все же не адмиратива)» [Гусев 2014: 220].

Анализ имеющихся примеров показывает, что речь не всегда идет о визуальном восприятии. Есть примеры аудиального восприятия:

(38) *Tə-ə, mahi-la kəp, mahi-la kəp sii-gi-ini gunə ijofo.*

там-ЕМРН сила-LOC идеофон сила-LOC идеофон сдирать-REF-3SG ADM черемуха

‘Теперь уже [слышно], ловко строгают, черемуху настругивают, значит’ [Кормушин 1998].

Представляется, что основным значением будет именно адмиратив. Частица *gunə* передает не просто «новое знание», а такое, которое является неожиданным и удивительным. Ср. следующие примеры:

(39) *Bäälə nii-də ə-si-ti, gunə, t'u nagbusi-i, gunə.*

постель-LOC человек-INDEF VNEG-PST-3PL ADM все отгадывать-PRP ADM

‘В спальнной части никого не было, все загадки загадывали, вот как!’ [Баскакова (рук.)]

(40) *Dua-ha-ti, Kuanṭaṅa-la digana, gunə.*

спать-PST-3PL пеликан-FOC говорить ADM

‘Заснули, а пеликан (во сне) разговаривает, оказывается!’ [Баскакова (рук.)]

В современном языке частица *gumu* (*gum*) также не является цитативом, а передает модальное значение:

(41) *Gə, Ugdinə-wə waa-ha-ti gumu, digan-ki-ti maṅmu-ziga.*

ну Угдингэ-ACC убить-PST-3PL вроде говорить-PST-3PL нанаяц-PL

‘«Ну, наверно, убили Угдингэ», — сказали нанайцы’ [Баскакова (рук.)].

(42) *Nagda-ha-ti, gumu əi-mi waa.*

попасть-PST-3PL вроде VNEG-GER убить

‘Попали, вроде, но не убили’ [Баскакова (рук.)].

3. Заключение

Анализ стратегий передачи репоративной речи в удэгейском языке позволяет сделать следующие выводы:

Способы выражения репортативной речи в удэгейском языке не сводятся к «прямой речи»; в языке представлены по крайней мере три такие стратегии.

В рамках стратегии репортативной прямой речи выделяется подтип, характерный для нарратива, связанный со стремлением маркировать не только начало, но и окончание цитируемого высказывания. Такое явление засвидетельствовано для многих языков с развитой повествовательной традицией (письменной и устной). В этом отношении удэгейский язык следует распространенной модели четкого выделения репортативной речи в ткани повествования. Часто используются рамочные конструкции маркирования цитированного высказывания. В нарративе используется разработанная система подачи многоярусной репортативности, когда каждый из уровней маркируется рамочной конструкцией, в которой представлена определенная видо-временная форма глагола.

Очевидно, что в удэгейском языке существовал особый сказительский стиль, характеризовавшийся определенным набором стилистических средств, в настоящее время утраченный¹⁶. При этом использовались стратегии близкие к тем, что сложились в письменных языках прилегающих регионов. Можно сделать предположение, что в противоположность европейской традиции, которая пошла по пути передачи репортативной речи дополнительными предложениями с внешней отсылкой, существует иная традиция, которая делает упор на четком разграничении авторской и репортативной речи при помощи, в частности, маркирования не только начала, но и конца репортативного отрывка.

Таким образом, удэгейский язык оказался не только не отставшим в формировании стратегий нарратива, но и достаточно развитым в этом отношении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	INC — инхоатив
ABL — аблатив	INDEF — неопределенное местоимение
ACC — аккузатив	INF — инфинитив
ADM — адмиратив	INSTR — инструменталис
AUG — аугмент	IPF — имперфектив
CLT — клитика	LOC — локатив
CONJ — конъюнктив	log — логофорическое местоимение
COP — связка	MED — медий
CV — конверб	NMLZ — номинализатор
DAT — датив	NV — вербализатор
DEF — определенный артикль	OPT — оптатив
DESDR — дезидератив	P — личная форма
DEST — дестинатив	PC — условное причастие
DIR — направительный падеж	PL — множественное число
DISC — дискурсивная частица	POSS — принадлежность
DS — некорреферентная форма	PP — перфектное причастие
DUAL — двойственное число	PRFUT — причастие будущего времени
EMPH — эмфаза	PROG — прогрессив
EXCL — эксклюзивное местоимение	PRP — презентное причастие
FOC — показатель фокуса	PRSP — проспектив
FUT — будущее время	PST — прошедшее время
GEN — генитив	Q — вопросительная частица
GER — герундий	REF — рефактив
GO — направление действия	SG — единственное число
i — вставная гласная	SING — однократное действие
IMP — императив	VNEG — отрицательный глагол

¹⁶ Исследования последних лет показали, что в языках существуют регистры, особенно подверженные угасанию с отказом говорящих от традиционных занятий и практик; это в том числе об-разная речь [Idström et al. 2012] и стратегии традиционного нарратива (см. [Nikitina 2012b]).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Басакаова (рук.) — Басакаова Е. Н. Материалы по языку и фольклору народа удэ на р. Самарга, собранные Е. Басакаовой в сентябре 1936 года в колич. 5 тетрадей. Архив МАЭ РАН «Кунсткамера», Фонд К II, оп. 1, № 74.
- ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (гл. ред.). М.: «Советская энциклопедия», 1990.
- Турецкий язык — *Турецкий язык. Курсы иностранных языков DEFA*. URL: <http://www.de-fa.ru/2ders15.htm>.
- Spǫjǰar 1935 — Spǫjǰar Ə. R. *Sǫlǫmǫǵ. Udihǫ nim 'aǵkuni* [Selemege. Udihe tales]. Liǫninrad: Diǫtǵiǵ, 1935.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бертагаев, Цыдендамбаев 1962 — Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. *Грамматика бурятского языка. Синтаксис*. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. [Bertagaev T. A., Tsydendambaev Ts. B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis* [A grammar of Buryat. Syntax]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1962.]
- Волошинов 1928/1995 — Волошинов В. Н. К истории форм высказывания в конструкциях языка (опыт применения социологического метода к проблемам синтаксиса). *Философия и социология гуманитарных наук*. СПб: Аста-пресс ltd., 1995, 326–380. [Voloshinov V. N. Towards the history of utterance forms in linguistic constructions. Applying sociological methods to syntax. *Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg: Asta-Press Ltd., 1995, 326–380.]
- ГСУЯ 1974 — *Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения*. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1974. [*Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [A grammar of Modern Udmurt. Syntax of polypredication]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1974.]
- Гусев 2014 — Гусев В. Ю. От цитатива в новому знанию: эволюция цитативной частицы в тунгусо-маньчжурских языках Нижнего Амура. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, т. X, ч. 3: 212–232. [Gusev V. Yu. From quotative to new knowledge: Evolution of the quotative particle in Tungusic languages of Lower Amur. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, vol. X, part 3: 212–232.]
- Есперсен 1958 — Есперсен О. *Философия грамматики* (пер. с англ.). М.: Изд-во иностр. лит, 1958. [Jespersen O.]
- Зализняк 1987 — Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита. *Санскритско-русский словарь*. Кочергина В. А. М.: Русский язык, 1987, 787–895. [Zaliznyak A. A. A grammatical sketch of Sanskrit. *Sanskritsko-russkii slovar'*. Kochergina V. A. Moscow: Russkii Yazyk, 1987, 787–895.]
- Князев 2017 — Князев М. Ю. Конструкции передачи чужой речи в башкирском языке. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, т. XIII, ч. 1: 71–109. [Knyazev M. Yu. Reported speech constructions in Bashkir. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, vol. XIII, part 1: 71–109.]
- Кононов 1941 — Кононов А. Н. *Грамматика турецкого языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Kononov A. N. *Grammatika turetskogo yazyka* [Turkish grammar]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941.]
- Кормушин 1998 — Кормушин И. В. *Удыгейский язык*. М.: Наука, 1998. [Kormushin I. V. *Udykheiskii yazyk* [The Udihe language]. Moscow: Nauka, 1998.]
- Куприянова и др. 1977 — Куприянова З. Н., Бармич М. Я., Хомич Л. В. *Ненецкий язык*. Л.: Просвещение, 1977. [Kupriyanova Z. N., Barmich M. Ya., Khomich L. V. *Nenetskii yazyk* [The Nenets language]. Leningrad: Prosveshchenie, 1977.]
- Литвиненко и др. 2009 — Литвиненко А. О., Коротаяв Н. А., Кибрик А. А., Подлеская В. И. Конструкции с цитацией, или «чужой речью». *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2009, 288–308. [Litvinenko A. O., Korotayev N. A., Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. Constructions with reported speech. *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009, 288–308.]
- Падучева 2011 — Падучева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать*. *Известия РАН. Сер. литературы и языка*, 2011, 70(3): 14–15. [Paducheva E. V. Reported speech markers: *mol* and *deskat'*. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2011, 70(3): 14–15.]

- Пешковский 1914 — Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.: Типография В. М. Саблина, 1914. [Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax]]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *mol, jakoby* и другие. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiemer B., Plungjan V. A. (Hrsg.). (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72.) München: Sagner, 2008, 285–311. [Plungjan V. A. On the markers of reported speech and uncertainty in Russian: *mol, jakoby* and others. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiemer B., Plungjan V. A. (Hrsg.). (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72.) München: Sagner, 2008, 285–311.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику*. М.: РГГУ, 2011. [Plungjan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku* [Introduction to grammatical semantics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Скрибник, Даржаева 2016 — Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. *Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения*. Т. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. [Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya* [A grammar of Buryat. Syntax of polypredication]. Vol. I. Ulan-Ude: Buryat National Center of the Siberian Dept. of the Russian Academy of Sciences, 2016.]
- Толдова, Сердобольская 2014 — Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. Глагол речи *manaš* в марийском языке: особенности грамматикализации. *Вопросы языкознания*, 2014, 6: 66–91. [Toldova S. Yu., Serdobolskaya N. V. Verb of speech *manaš* in Mari: Grammaticalization properties. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 6: 66–91.]
- Йорф 1960 — Йорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы. 1960. [Whorf B. The relation of habitual thought and behavior to language. *Language, culture and personality: Essays in memory of Edward Sapir*. Spier L., Hallowell A. I., Newman S. S. (eds.). Menasha (WI): Sapir Memorial Publication Fund, 1941. Transl. into Russian.]
- Хан 2002 — Хан М. *Учебник классического тибетского письменного языка с хрестоматией и словарем*. Пер. с нем. СПб., 2002. [Hahn M. *Lehrbuch der klassischen tibetischen Schriftsprache*. Swisttal-Odendorf: Indica et Tibetica Verlag, 1996. Transl. into Russian] URL: http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/mahamudra/han.pdf
- Шнейдер 1937 — Шнейдер Е. Р. *Материалы по языку анюйских удэ*. М.; Л.: Главсевморпут при СНК СССР. Научно-исследовательская ассоциация Ин-та Народов Севера им. И. Г. Смидовича, 1937. [Shneider E. R. *Materialy po yazyku anyuiskikh ude* [Materials on the language of Anyui Ude people]. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput', 1937.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Aikhenvald 2007 — Aikhenvald A. Semi-direct speech: Manambu and beyond. *Language Science*, 2007, 30: 383–422.
- Bally 1912 — Bally Ch. Le style indirect libre en français moderne. *Germanisch-Romanische Monatsschrift*, 1912, 4: 549–606.
- Coulmas 1986 — Coulmas F. *Direct and indirect speech*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1986.
- Evans 2013 — Evans N. Some problems in the typology of quotation: A canonical approach. *Canonical morphology and syntax*. Brown D., Chumakina M., Corbett G. G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Güldemann 2003 — Güldemann T. Logophoricity in Africa: An attempt to explain and evaluate the significance of its modern distribution. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2003, 56(4): 366–387.
- Güldemann 2008 — Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Idström et al. 2012 — Idström A., Piirainen E., Falzett T. F. M. (eds.). *Endangered metaphors*. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Knyazev 2016 — Knyazev M. Complementizers in Kalmyk. *Complementizer semantics in European languages*. Boye K., Kehayov P. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016, 665–690.
- Knyazev 2019 — Knyazev M. Two SAY-complementizers in Poshkart Chuvash: Subject-orientation, logophoricity and indexical shift under verbs of hearing. *Proc. of the Workshop on Altaic Formal Linguistics 14*. (MIT Working Papers in Linguistics, 90). Bondarenko T., Davis C., Colley J., Privoznov D. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2019, 129–136.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 — Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. (Theoretical Linguistic Series.) London: Routledge, 1993.
- Lehmann 2002 — Lehmann Ch. *Thoughts on grammaticalization*. 2nd, revised edn. = *Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt*, 2002, 9.

- Matić, Pakendorf 2013 — Matić D., Pakendorf B. Non-canonical SAY in Siberia: Areal and genealogical patterns. *Studies in Language*, 2013, 37: 356–412.
- Nikitina 2012a — Nikitina T. Logophoric discourse and first person reporting in Wan (West Africa). *Anthropological Linguistics*, 2012, 54(3): 280–301.
- Nikitina 2012b — Nikitina T. When linguists and speakers do not agree: The endangered grammar of verbal art in West Africa. *Journal of Linguistic Anthropology*, 2012, 28(2): 197–220.
- Nikitina, Bugaeva 2018 — Nikitina T., Bugaeva A. The syntax of logophoric speech. Toward a structural approach to the direct-indirect continuum. Presented at the Conference “*Syntax of the World’s languages VIII*”. 3-5 Sept. 2018. Paris. INALCO.
- Nikitina, Bugaeva (forthc.) — Nikitina T., Bugaeva A. Logophoric speech is not indirect: Towards a syntactic approach to reported speech constructions. *Linguistics*, forthcoming.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I, Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Shklovsky, Sudo 2014 — Shklovsky K., Sudo Y. The syntax of monsters. *Linguistic Inquiry*, 2014, 45(3): 381–402.
- Spronck, Nikitina 2019 — Spronck S., Nikitina T. Reported speech forms a dedicated syntactic domain. *Linguistic Typology*, 2019, 23(1): 119–159.
- Stoynova 2019 — Stoynova N. The clitic =əm(də) in Nanai: More than a quotative marker. Workshop “*Reported speech across languages and cultures*”, Villejuif, CNRS, LLACAN. 21–22.05.2019.

Получено / received 16.02.2019

Принято / accepted 14.05.2019